

НАДЕЖДА ОЖИГИНА

НОЧНАЯ НЯНЯ

И КОШАЧЬЯ МАГИЯ

Надежда Ожигина

Ночная няня и кошачья магия

«Автор»

2023

Ожигина Н.

Ночная няня и кошачья магия / Н. Ожигина — «Автор», 2023

У двенадцатилетней Сонаты Ландер есть интересная подработка: ночная няня в больничном морге. Почему? Из-за волшебного голоса: она может усыпить кого угодно. Кого там усыплять? – спросите вы. Таких в больнице зовут постояльцами, их двенадцать и они рвутся в город, едва на ратуше пробьет полночь. Лишь Сона с ее суперсилой может спасти Альхенгоф от нашествия голодных зомби. Но однажды в морг поступает новенький, от которого пахнет проклятьем, а потом кричит черный петух, будоража живых и мертвых... Вырастают тени далекого прошлого, всюду мерещатся колдуны из ордена Синего Пепла, вурдалак и кресты заброшенных кладбищ, открываются подземелья бывшей графской усадьбы, отданной под элитный лицей «Акколада»... Хватит ли Соне голоса, чтоб одолеть всех врагов? Или найдутся друзья, готовые разделить с ней опасности? И при чем же тут кошачья магия?

© Ожигина Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Ночная работа	5
2. Девочка с необычным талантом	9
3. Переполох в холодильнике	12
4. Преступный сговор	15
5. Королевские дознаватели	18
6. «Акколада»	22
7. Будни лица	25
8. Баламут во всей красе	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Надежда Ожигина

Ночная няня и кошачья магия

1. Ночная работа

Ровно в десять часов вечера Сона собралась на работу.

Уложила в холщовую сумку учебники, между ними, тайком от мамы, сунула детективный роман, сверху впихнула халат и удобные тапочки.

– Бутерброды не забудь! И термос! – крикнула с кухни мама.

Сона покорно пришла на кухню и забрала объёмный сверток. Она думала перекусить в кафе, но маму огорчать не хотелось.

– Вернёшься с работы, положи халат в стирку, – мама подошла и чмокнула в лоб. – Последнее время ты странно пахнешь, как-то, не знаю, печально, что ли.

– Я опаздываю, – буркнула Сона. – Позвонили, сказали, там новенький.

Это был запрещённый приём, но новенький вправду поступил в заведение. И ему было плохо и страшно.

– Бедные детки, – вздохнула мама и погладила Сону по голове. Пальцы её запнулись о колтуны в причёске, и «детки» сразу же были забыты, а Сона усажена на табуретку и подвергнута пытке расчёской. Воронье гнездо, как дразнилась мама, было разрушено до основания, а непослушные волосы скручены в две тугие косички.

Оставалось терпеть и молчать.

– Соната Ландер! – укорила мама. – Девочки из приличной семьи не должны быть похожи на пугало! Что сказал бы на это твой дедушка?

Соне и самой интересно было, но дедушка с ней не разговаривал. На всех фотокарточках дирижёр Алек Ландер походил на торнадо: тонкий, чёрный, весь перекрученный, не поймёшь, где фрак, где руки-ноги, где палочка дирижёрская. А на голове – огромная туча, тёмно-серая, с клоками, летящими в стороны.

Но маму это не трогало, и гениальный дед ставился в пример по любому поводу.

– Мне бы с ним встретиться, – фыркнула Сона, будто сердитая кошка, – я бы ему колтуны расчесала! За то, что такое имечко выдумал!

Но на самом деле встречаться с дедом было боязно до озноба.

Она подхватила сумку и поспешила за дверь, спасаясь бегством от новых нотаций.

Велосипед ждал у крыльца. Сона вывела аппарат за калитку, лихо вскочила в седло и понеслась по улице.

Начало мая выдалось жаркое, и всё время казалось, что будет гроза. Такая погода, когда в ясный день невольно берёшь с собой зонтик. А вдруг?

Ночью свежело, и лишняя влага выпадала блестящей росой. В свете фонарей еловые ветки оборачивались рождественской мишурой, и Соне рисовалась зима, снежная и весёлая. С ней всегда было так: ждала летом зимы, а в декабре мечтала о лете.

Ехать ночью одно удовольствие: по укутанном туманом тропинкам, по мосточку над говорливой рекой, мимо закрытой церкви при кладбище – к ярким огням и гирляндам парка рядом с ратушей Альхенгофа.

Сона взглянула на телекτροφон: половина одиннадцатого, ужас-ужас!

От дачного посёлка «Скрипичный ключ» до центральной улицы Альхенгофа полчаса отчаянной работы педалями. Стоило поднажать, чтобы приехать к сроку. И вместо неторопливой прогулки получилась гонка с препятствиями.

Сона упрела и выдохлась, а упрямые волосы торчали спиралями, вырвавшись на волю из хилых косиц. Раскрасневшаяся и растрёпанная, Соната Энтони Ландер, девочка из приличной семьи, добралась до главной больницы и позвонила в неприметную дверь с кратким названием «Морг».

Долго не открывали. Так долго, что Сона забеспокоилась. Потом кто-то посмотрел в глазок и стал разглядывать девочку. Решив, что Сона на вид безопасна, дверь открыли с противным скрежетом.

– Чего тебе? – спросил сторож. – Лучшего места для игр не нашла?

– Новенький! – догадалась Сона. – А дядя Семён куда делся?

– Заболел Семён, – озадачился сторож. – Подменяю его. А ты кто такая?

– Ночная няня! – часы на ратуше бодро сыграли имперский марш, и стрелка сдвинулась с цифры «одиннадцать». – По срочному вызову. Так я пройду?

От сторожа пахло вином и капустой, он занимал весь проход и отчётливо скрипел извилинами. Понять, зачем девочке двенадцати лет ночью приспичило в морг, было выше его способностей!

Помощь пришла в тот миг, когда Сона восстановила дыхание и раскрыла особым образом рот. Голосовые связки натянулись, как скрипичные струны, и заветный аккорд из трёх чистых звуков уже завибрировал в горле...

– Сона, где ты? Да пропусти же!

Кто-то оттолкнул грузного сторожа, и в двери показалась сестра Маргарита:

– Хвала Пантелеймону, ты здесь! Скорее, бежим, вот-вот начнётся!

Перепуганная сестра милосердия схватила Сонату за руку и потащила внутрь.

Часть пристройки к главной больнице называли обобщённо «морг». Хотя настоящим моргом был лишь кафельный закуток с холодильником, в котором хранили тела усопших. Через дверь посетители попадали в небольшой ритуальный зал, где оформляли бумаги и платили за погребение. Всё здесь было завалено образцами: гробами, венками, лентами и табличками с эпитафиями. Рядом находилась больничная церковка – уютная комнатка с алтарём. Здесь молились за упокой, но бывало, ставили свечи за здравие, спускаясь по лестнице из больницы. В церковь вывозили из морга тела, подготовленные к отпеванию. Для этих целей служила дверь, замаскированная цветами.

Маргарита и Сона пробежали по залу, мимо венков и искусственных роз, вдоль полированных крышек гробов. Сона запнулась о крест и рассадила ногу.

– Где постоялец? – спросила она, мусоля царापину над коленкой.

Эхо гуляло по зале, множило стук шагов, будто кто-то запустил метроном.

– В номере «пять»! Да скорее же!

Они добежали до церковки. Там ждали Сону другие сёстры, дежурный доктор и санитары. Все со страхом смотрели на дверь сбоку от алтаря.

Заготовлены были скамьи и тяжёлые канделябры, стояли чаши со святой водой, даже колья разложили, осиновые. Непонятно, чего хотели: то ли дверь подпирать, то ли биться с клиентами. Сона хмыкнула, взяла с полки мел и начертила крест на двери.

Отчего-то взрослые за спиной вздохнули и задышали ровнее.

– Можете идти! – разрешила Сона. – Я никого не выпущу.

Сёстры забормотали молитвы и поспешили обратно к больным. Дежурный врач задержался и выдал Соне тонкую папку:

– Новичок поступил ближе к вечеру: сам дополз до больницы и рухнул замертво в регистратуре. Думали, приступ, не тут-то было. При осмотре нашли иголку в плече! Нехорошую, ритуальную, и проклятьем гнилым несёт. Утром приедут из Канцелярии господина дознавателя.

– Неужели убийство? – восхитилась Сона, поднеся папку ближе к свечам.

Убийства в Альхенгофе случались редко, но в последние месяцы всё шло не так. Раз уж в морге нужна ночная няня...

Доктор ободряюще улыбнулся, помянул святого Пантелеймона и отправился на дежурство.

Наконец-то Сона осталась одна!

Ночная няня прошлась по церковке, зажгла побольше свечей. Достала из сумки термос, выпила чаю с лимоном. Сколько раз повторяла маме: ей нельзя опаздывать на работу! От спешки пересыхают связки, а это её инструмент!

За дверью послышались шорохи, скрежет и шебуршание.

Сона бережно закрутила термос, достала телеграфон: ну правильно, скоро полночь. Пора отрабатывать гонорар. Девочка освободила проход от скамеечной баррикады.

Странные люди – взрослые. Почему не поставить стальную дверь, с засовами и замками? Таковую, чтоб не пробить, не прогрызть! Но просьбу профессора Монса о срочном ремонте морга в ратуше подняли на смех. И разошедшаяся доска служила единственной защитой живым.

Днём её украшали лентами, чтоб не пугать посетителей, но к ночи убирали шёлк и цветы, и становились видны пробоины, царапины от длинных когтей и даже следы зубов!

Сона тронула створку, и та подалась с жутким протяжным скрипом.

В холодильнике делалось шумно. Постояльцы, как здесь называли покойников, били ногами в дверцы, пытаясь выкатиться наружу. А пятый номер уже был открыт! И в ящике сидел убиенный!

Новичок в морге – всегда проблема! В первые сутки он помнит, что жив и должен куда-то идти, у него полно в памяти дел и встреч, и нет осознания смерти. Он будоражит других постояльцев и возглавляет восстание зомби.

Сона разглядывала новичка.

При жизни он был красивым мужчиной, но смерть иссушила черты лица и придала им синюшный оттенок. Его даже раздеть не посмели! Сидел, как джентльмен, в чёрном костюме и в перепачканном грязью плаще. Интересная грязь: песок и глина, и какая-то серая пыль. Где и нашёл-то такую!

Новичок так же пристально смотрел на Сону. Ощупал голову, удивился, пошарил руками по ящику. Должно быть, хотел снять шляпу, но не нашёл и смутился.

Потерял, когда на него напали!

Становилось всё интереснее. Как бы его расспросить?

Остальные ящики уже выдвигались из открытых ячеек, зомби поднимались, тянулись к Соне, а она всё смотрела на жертву и думала о преступлении.

Кем был покойник? За что убит?

Постоялец из пятого номера поднял руки к глазам, опять удивился. Когти росли так быстро, что поцарапали кожу на лбу.

– Кто ты, девочка? – спросил новичок нутряным звуком, глубоким: его застывшие связки издавали лишь слабое дребезжание.

– Ночная няня. А ты кто? – дерзко хмыкнула Сона, косясь на других покойников.

Новичок протянул к ней когтистые лапы, свесил ноги в заляпанных грязью штанах.

– Ох ты ж ё!

Из прохода пахло вином и тушёной капустой. Сторож дрожал и икал, и мелко крестился на постояльцев.

Те учуяли сладкий страх, заверещали, завывали, заскрежетали дверями ячеек.

Сона гневно обернулась на сторожа, открыла особым образом рот, напрягла голосовые связки:

– Спи-и-и-и-и!

Перепуганный мужик опрокинулся на спину и захрапел на весь морг. Сона грозно взглянула на зомби и отдала общий приказ:

– И вы спите, надоели уже! Сколько можно по ночам колобродить? Спи-спи-спи! – раздалось, словно залп из орудий. И восставшие мертвецы попадали обратно в ящики.

2. Девочка с необычным талантом

Сона прибралась в помещении, наглухо закрыла все ящики, принюхалась и вздохнула. Снова будет пахнуть печально: церковными свечками и формалином.

Мама морщилась, но терпела: она думала, Сона работает в интернате рядом с посёлком! Там жили сироты и дети, от которых отказались родители. Сону часто приглашали подработать няней: она рассказывала сказки на ночь, а потом убаюкивала заклинанием.

– Бедные детки, – ворчала Сона, возюкая шваброй по полу, – ох уж мне эти бедные детки! Тоже мне, группа продлённого дня!

Работа при морге нашлась случайно. Мама попала в больницу, лежала в палате без памяти. Доктора говорили: маме нужен сон! И Соната пела ей колыбельные, сидела, держала за руку. Ночевала на пустующей койке.

Когда папа звонил по телеграфу из своих бесконечных гастролей, Сона выходила в коридор из палаты, чтоб не тревожить маму.

Как-то раз она услышала шум, чьи-то вопли, неприятный скрежет по полу. Спустилась на первый этаж. И столкнулась нос к носу с монстром! Зомби рычал и скалил клыки, шкрябал по стенам когтями. Сона попятилась от него, забормотала в испуге, будто всё ещё маму держала за руку:

– Спи! Тебе нужно поспать!

Восставший мертвец покачнулся и упал, теряя признаки жизни. Когти втянулись, клыки пропали. Прибежавшие санитары оттащили его от девочки.

– Вы тоже спите! – сказала им Сона, по-особому открывая рот. Будто пойманная рыбка в ладони. – Спи-спи! – как малышам в интернате, расшумевшимся на ночь глядя.

Санитары попадали и захрапели рядом с окаменевшим зомби.

Девочка вернулась в палату, не заметив дежурного доктора, прятавшегося за колонной. А вот доктор её запомнил. И у Соны появилась работа. Интересная, опасная, денежная. Десять импералов за ночь!

Жаль, что маме приходится врать. Ну а кто же в здравом рассудке отпустит дочь на ночёвку в морг?

Сона прикрыла дверь, вернулась в церковку, переоделась. Съела бутерброд с колбасой. Достала из сумки учебники и села делать уроки. Не рассказывать же на биологии, что всю ночь воевала с зомби! Её и так ведьмой дразнили.

В два часа ночи, по расписанию, Сона проверила постояльцев: тишина и спокойствие. Обидно, что новичок уснул! Завтра тело заберут в Канцелярию, и больше Сона его не увидит. Может, не уходить до утра? Подсмотреть, как работают дознаватели?

Впрочем, с её талантами дознавателям лучше не попадаться!

Королевские дознаватели из Канцелярии Мракобесия занимались делами особой важности. Когда магия служит оружием, убивающим мирных граждан, дознаватели тут как тут. Странно, что ночью не заявились!

Вообще-то в их городке скука невероятная. Благолепие и порядок – вот девиз бургомистра. Говорят, когда-то давно в интернате, где теперь работала Сона, была школа ордена Синего Пепла! Красиво. Сонате название нравилось. Колдуны собирали по округе детей и обучали их тёмной магии. И у каждого ученика был особый знак на запястье, сделанный синим пеплом. Только орден давно уничтожили. Кто-то в шутку рассказывал, как колдуны, отбиваясь от королевских магов, кидались в них всеми проклятиями, какие нашлись в арсенале. А когда проклятья закончились, по ошибке выстрелили благодатью! И с тех пор по всему Альхенгофу воцарился полный покой. Даже дети могут гулять допоздна! Только всё равно не гуляют,

ведь воспитанные мальчики-девочки мирно спят по ночам в кроватях. Одна Соната по моргам шастает. Скука в городе настолько полная, что пропажа котов по всему Альхенгофу стала новостью номер один в газетах.

И вдруг – оживающие мертвецы!

Это было так дико и странно, что перепуганный главный врач приказал персоналу молчать. И нанял двенадцатилетнюю девочку для ночного спокойствия. Он не отважился сделать доклад бургомистру и городскому совету, зато робко намекнул на ремонт, жизненно необходимый моргу.

– Это вирус, – взволновано говорил профессор, пылко глядя на подчинённых. – Сугубо медицинское дело. Нужно найти первопричину, источник заражения мертвецов. Тогда мы сделаем им прививку, и наши постояльцы будут лежать, как полагается приличным покойникам.

Отчего-то те, кто колобродил ночами, были людьми одинокими, никто не собирался их хоронить, никто не подавал иски в ратушу. Они просто мёрзли в алюминиевых ящиках, пока профессор искал лекарство от зародившегося зомби-вируса. Двенадцать жителей Альхенгофа, старые и молодые, больные, здоровые, всевозможных профессий, живущие в разных районах. Никакой логической связи.

И вот: у Соны под боком жертва магического преступления, а она эту жертву спать уложила! Тринадцатого постояльца!

Хорошо хоть дар у неё небольшой, а то дознаватели учуют магию и, чего доброго, арестуют. Как потом объясняться с мамой?

Соне припомнился дедушка Алек: вот он склонился над внучкой и тихо поёт колыбельную. Настоящее волшебство музыки, а не те ошмётки, что ей достались.

– Соната, – пел знаменитый дедушка. – В твоём голосе собрана магия всей замечательной семьи Ландер. Когда запоёшь, покоришь весь мир! Твоя гортань – инструмент, созданный творить чудеса!

Милый дедушка. Ты позабыл, что любой инструмент можно сломать. Где-то теперь дирижируешь?

Потемневшие глаза, краткий взмах руки...

За спиной послышался шорох.

– Сона! – позвала сестра Маргарита. – Как у тебя дела?

– Всё спокойно, – от души потянулась Сона.

– Старичку одному не спится. Поможешь?

Маргарита протянула больничный халат. И белую косынку с крестом на лбу. Сона снова переделалась, на этот раз в сестру милосердия.

– Идём, ему очень плохо, а он бредит и хочет кого-то искать!

В палате три пациента, двое спали, как положено, выпив лекарство, а старичок в полосатой пижаме стоял у окна и смотрел на луну.

– Вот недавно у него день рождения был! – сказал старичок неизвестно кому, открывая оконную створку. – Я ему лучшей еды купил, самой дорогой, что была в магазине. И всё хорошо, он довольный лёг спать. А после взял и ушёл. Навсегда.

Старичок повернулся к Соне, строго посмотрел на неё и спросил:

– Чувствуешь, какое страшное слово? Навсегда. Как приговор!

Сона торопливо кивнула и сделала шаг к пациенту.

Он махнул на неё рукой и вновь отвернулся к окну:

– Не желаю быть приговорённым. Из меня будто всю радость забрали. Воздух выдавили из лёгких. Всё болит, и ноет, и плакать хочется. Я должен его найти!

– Генрих Карлович! – закричала сестра Маргарита, когда старичок, кряхтя и пыхтя, решительно полез на подоконник.

И Сона узнала в нём архивариуса, хранителя истории Альхенгофа.

– Кого найти, господин хранитель? – спросила она старичка. – Я помогу, честное слово! Вы только скажите, каким он был?

– Самым красивым, – вздохнул Генрих Карлович, растеряв силы в борьбе с подоконником. Сестра Маргарита подхватила его и повела обратно в кровать. – Самым добрым и ласковым, вот каким. Так и запомни: Помпадур был самым!

– Помпадур? – не поняла Соната.

– Возьми, девочка, – архивариус сунул ей в руки пачку листов. – Когда-то я был силён в истории, со мной была магия знаний. А сейчас я забываю слова. В голове какие-то даты, события, всё вперемешку, клубком. И ничего не хочется. Жизнь сделалась неинтересна, что уж говорить об истории.

– Вам нужно поспать, Генрих Карлович! – строго сказала сестра Маргарита. И выжидающе взглянула на Сону.

– Спи-спи-спи! – приказала Соната, а сама всё смотрела на пачку листов с фотооттиском важной кошачьей морды.

Архивариус обмяк на кровати и засопел, шевеля усами, сам словно серый потрёпанный кот.

– Ужас что творится, – сказала сестра, когда они вышли из печальной палаты. – Все с ума посходили! Тут недавно лечилась Пелагея Никитична, помнишь такую, Сона? Пирожки пекла на углу Цветочной? Так просто рыдала по кошечке!

Соната помнила смешливую женщину, всегда угощавшую детвору. Ей нравились ватрушки с малиной: начинки Пелагея никогда не жалела. Но её пекарня на углу Цветочной была уже месяц закрыта.

– А куда она пропала, сестра? Неужели уехала из Альхенгофа?

– Какое там, – Маргарита вздохнула. – Внизу она, в холодильнике. Спать тебе не даёт по ночам.

– Ой, – огорчилась Сона. – Рыжая дама в светлой рубашке? Так она умерла от горя?

Маргарита не успела ответить.

На первом этаже раздался шум, кто-то охнул, споткнувшись о гроб, торопливо пробежал через церковку, отпер дверь в помещение морга.

А потом по всей сонной больнице разлетелся звонкий крик петуха.

3. Переполох в холодильнике

Петух голосил во всю глотку, старательно выводил каждую ноту!

Сона родилась в музыкальной семье, уж она-то чуяла прирождённый талант. Петух в долгое «ку-ка-рее-куу!» вкладывал всю птичью душу.

– Откуда петух в больнице? – удивилась сестра Маргарита, но тут же ей стало не до вопросов: изо всех палат стали выглядывать заспанные пациенты, и все как один полезли с претензией, что в лечебном корпусе развели зоопарк.

– Сона, утихомирь петуха! – жалобно попросила сестра.

К ним спешили санитары и дежурный врач, загоняли пациентов обратно, уговаривали и успокаивали, а петух всё кукарекал, как проклятый, и Сону пугало другое: пернатый разбойник надрывался в морге!

Она побежала по лестнице вниз, навстречу ей нёсся разбуженный сторож с выпученными, как у рыбы, глазами.

– Они там! – орал сторож. – Идут, идут! Монстры в Альхенгофе, спасите!

– Спи, – отмахнулась Соната, и сторож свалился, второй раз за ночь.

Сона спустилась на первый этаж и замерла на пороге церквушки. Кто сюда проник и зачем? А если в морг прокрался убийца, чтобы забрать новичка?

В холодильнике вновь стоял стон и скрежет, дверь была распахнута настежь. Чья-то тень металась по стенам.

– Мамочки, – шептал слабый голос. – И зачем же вас так много страшенных? Дядя, дядечка, где же ты?

Из морга выбрался паренёк, прижимавший к себе петуха. Чёрный кочет смотрел с недовольным видом, будто его прервали на самом эффектном пассаже!

А за ними шли двенадцать зомби, поднятые из алюминиевых ящиков. Обрастающие шерстью, клыками, жаждущие тёплой крови.

– Муня, друг, улетай, что же ты! – парень отшвырнул прочь петуха.

Но гордый кочет не желал отступить перед армией нежити. Вместо этого он сел на скамью, на которой ела бутерброды Соната, и принялся склёвывать крошки.

– Эх! – закричал парнишка.

На вид он казался ровесником Соны! Тоже любил колобродить ночами?

Парень осмотрел поле боя, увидел осиновый кол, схватил:

– Ну, подходи, кто смелый!

Голос его дрожал, и осиновый кол мотался, словно хвост дружелюбной собаки.

– Дениис! – зарычал новичок, появляясь в покосившихся дверях морга. Джентльмен в чёрном костюме и запачканном грязью плаще сумел прорваться сквозь ряды постояльцев и заслонил собой парня.

– Дядя Вольдемар, я тебя нашёл! – от радости паренёк заплакал и чуть не проткнул новичка осинкой. – Я тебя заберу отсюда!

На лестнице топали и бранились: санитары спешили к моргу. Двенадцать зомби сцепились с новеньким, которого парень назвал Вольдемаром. Мерзкий кочет наелся крошек, почистил перья и раскрыл клюв:

– Ку-ка-рее-куу! – разнеслось по больнице.

Терпение у Соны закончилось:

– Это моя территория! Это мои подопечные! Хватит орать в моём морге!

Она посмотрела на лестницу, на осоловевшего сторожа, скулящего на первой ступеньке, на санитаров и сестру Маргариту, торопящихся к месту сражения:

– Спи-спи-спи! – закричала им так, как раньше не доводилось.

Схватила пришлого парня за куртку, вытащила в полумрак ритуального магазина:

– Сиди здесь, а то усыплю!

Парень послушно уселся на гроб, прижимая к груди осиновый кол. Чёрный петух подлетел к хозяину, нахохлился и зевнул во весь клюв.

– Заткни ему глотку, а то шею сверну!

– Мне? – устало уточнил паренёк.

Сона не стала отвечать дураку. Гордо вернулась к зомби и выстрелила заклинанием:

– Спиии!

Ответом была тишина. Полная, необъятная. Мирно и крепко спала вся больница. И возможно, пара окрестных улиц, столько силы и злости вложила девочка в краткий, как выстрел, приказ. Лишь несчастного паренёка Сона вынесла за нотную запись. Она не хотела его усыплять: интересно же, кто он такой!

Парень сидел на гробу с осиновым колом в обнимку. И капал слезами на крышку.

– Перепугался? – спросила Сона.

Тот покачал головой.

Мерзкий кочет бродил между венков, пытаясь выклевать ягоды. Ягоды были из папье-маше, и петух обиженно булькал горлом.

– Если гад ещё раз заорёт... – угрожающе начала Сона.

– Нет-нет, я его попросил, – хлюпнул носом мальчишка. – Ты не бойся, так-то он смиренный. Просто дядю учуял, обрадовался.

– Радости у вас, я смотрю! Почему петух не уснул, как все?

Парень улыбнулся и разжал ладони. Кол с грохотом свалился на пол.

– Муня – необычный петух. Вообще-то он дядин, поисковой. Но дядя всегда говорил: чёрный кочет разбудит и мёртвого. Вот я и решил попробовать.

– Зачем? – Сона присела рядом и нашарила в кармане конфету. Протянула леденец ночному гостю. Мама всегда ей давала сладости, побаловать «бедных деток». Обычно Сона такие гостинцы оставляла на старом кладбище, но сегодня времени не хватило.

Мальчишка покрутил леденец в руках, машинально развернул фантик. А в рот положить угощение забыл. Вздыхнул так тоскливо, что Сона нахмурилась. Не любила, когда давили на жалость.

– У меня же нет никого. Дядя Вольдемар и вот, Сигизмунд. Так Муню зовут, если полным именем. Дядя любит, когда красиво. Любил, – печально поправился он. – Можно, я на него посмотрю?

Сона согласно кивнула. Мальчик встал, покосился на кол, отловил за венками Муню. Вернулся с ним в церковную комнату.

Всё здесь было перевернуто, тлели свечи. Как больницу не подожгли?

Сона нащупала выключатель. Магический свет залил помещение, безжалостно убивая тени. Ночная няня поставила двенадцать свечей в канон, а тринадцатую сунула в пальцы гостю.

Тот стоял рядом с новеньким и жалко хлопал ресницами. Даже Сона не сразу привыкла, что уснув, постояльцы становятся прежними, без когтей и клыков. А для парня всё было в диковину. Он покорно взял в руку свечу и осветил в лицо дяди.

Вольдемар заснул не очень удачно: в момент заклятья два мертвяка добивали его скамьями. Новичок так и застыл, припёртый к стене массивными ножками.

– Как же так? – прошептал мальчишка. – Утром он встал, как обычно, позавтракал и ушёл. А вечером позвонили...

– Если сможешь, – посулила Сона, указывая на беспорядок, – я расскажу, как всё было. И дам почитать заключение врача.

Парень согласно кивнул. Ссадил кочета рядом с дядей. Поднатужась, поднял латунный подсвечник.

Вдвоём управились быстро: подсвечники стояли, свечи горели, скамейки были протёрты и расставлены в два ряда. Остались лишь те, что держали дядю. Ну и двенадцать тел на полу: взрослые оказались слишком тяжёлыми для двух некрупных детей.

Соната схватилась за голову:

– Завтра за твоим дядей приедут из Канцелярии! И меня погонят с работы метлой, если хуже чего не придумают. Потому что дядю убили. Вот бумаги, читай и проваливай!

– Как тебя зовут? – спросил паренёк, прочитав содержимое папки.

– Своевременный вопрос. Я Соната. Сона.

– Я Денис. Можно просто Денька. Я никуда не пойду, Соната. Извини, что ты влипла из-за меня. Но мне очень нужно пообщаться с дядей. Вдруг он видел убийцу?

У Соны на языке вертелась тысяча возражений. Ну узнаешь убийцу, и что с того? Будешь мстить, как в старых романах? Так не терпится в ящик по соседству прилечь? Не лучше ли оставить любимого дядю королевским дознавателям, Денька?

Но парень не ждал ответа. Он подозвал к себе петуха.

– Не здесь! – испугалась Сона. – Хочешь по новой начать? Нужно убрать дядю из морга. По аллее больничного парка выйдешь на берег реки. Там есть старый сарай у воды, остался от лодочной станции. Хорошее место для прощальной беседы!

Денька осмотрел Вольдемара:

– И как я его дотащу?

Ночная няня задумалась. Решение проблемы отыскалось быстро:

– Возьмёшь на время кресло-каталку! Я видела такое на втором этаже, рядом с палатой Генриха Карловича.

Через полчаса ругани и возни они подкатили кресло и сгрузили в него новичка. Какая удача, что тот стоял! Уронили дядю не очень удобно, как-то вкривь и поперёк сиденья, от этого сделалось сложно толкать, и Сона, снова переодевшись, пошла вместе с Денькой в парк. Ей и самой интересно было, что помнит загадочный постоялец!

При свете луны больничный парк сделался огромным таинственным лесом. Дорожки были освещены, но за кустами прятался мрак, осязаемый и зубастый. При мысли, что где-то бродит убийца, насылающий проклятья на мирных людей, делалось зябко, мурашливо, и всё время хотелось обернуться назад. Казалось, за ними следят из всех окон, а двенадцать зомби идут по следу, дожидаясь, когда закричит петух.

– Соната, а ты вообще кто? – отдуваясь, спросил Денис.

– Ночная няня, – вздохнула Сона. – Скорее всего безработная из-за одного... петуха!

– А что ты ещё можешь голосом делать?

Сона ему не ответила. Как-то слишком для одной ночи.

Впереди блеснула река, зашуршало камышами, пахнуло влагой. Стало видно, как в лунном свете вьётся над водой мошкара.

– Вон сарай! – сказал Денька, чтобы сгладить неловкость. – Поднажмём?

И они поднажали.

4. Преступный сговор

В сарае было темно и сыро. Сона зябко повела плечами.

Пока Денька разгребал старые доски, вкатывал кресло, зажигал свечи, Соната стояла у входа, смотрела на луну и хмурилась. Наказывать нужно за любопытство!

Напомни безногому инвалиду, что когда-то он умел бегать! Даже рекорды ставил, подавал большие надежды в спорте! Будет ему приятно? Но отсутствие ног заметно, никто не спросит увечного: ты так ловко поддёргиваешь культей, а что ещё можешь ей делать? Да за такой вопрос поколотят и вызовут городского!

То ли дело голос. Подумаешь! Гортань – дело тайное, личное, а лезут, кому не лень. Ковыряют в душе грязными пальцами, будто имеют право. Да какое всем дело до её возможностей? Нет у неё никаких талантов.

А ведь могла стать известной певицей!

Но потом – вот такая же мгла и пыль, и чёрная тень поглощает дедушку, заслонившего любимую внучку. Испуганный визг рвётся из горла, взламывает гортань, круша неокрепшие связки. Что-то ломается в мире. Знаменитый дирижёр, окутанный тенью, оборачивается и смотрит на Сону пепельными глазами. Делает жест рукой, будто хватается что-то из воздуха, будто приказывает умолкнуть невидимому оркестру. И вместо визга звучит лишь хрип, слабый, беспомощный. Беспольный...

– Соната, ты где? Помоги! – позвал Денька.

Ночная няня поспешила в сарай и поставила кресло на тормоз-фиксатор.

Денька ссадил с плеча петуха, погладил чёрные перья. Очень вежливо попросил:

– Муня, пожалуйста, кукарекни, только тихонько, для дяди.

Кочет оскорблённо мотнул гребешком, взъерошил перья и булькнул горлом:

– Ку-ка-ре-ку! – сказал по слогам, негромко и деликатно. Новичок продолжал сидеть неподвижно, и тогда петух повторил, погромче и понастойчивей:

– Ку-ка-рее-кууу!

Мертвец приоткрыл глаза и уставился на лунный свет, пробивавшийся сквозь щели в двери. Угробно рыкнул, показав клыки, встал и нетвёрдой походкой пошёл к выходу из сарая, к луне и речным камышам.

– Дядя Вольдемар, погоди! – засуетился Денька, а Сона приготовилась усыплять. – Поговори со мной, пожалуйста, дядя!

Новичок повернулся к племяннику, по-звериному быстро, всем телом, уставился на парня дурными глазами:

– Де-ниис? Это ты?

– Спрашивай, – подсказала Сона. – Он забывает себя, и полнолуние скоро.

– Что с тобой случилось? – заторопился парнишка.

Дядя задумался и прорычал:

– Кажется, убили. Меня. Я работал. Мне стало дурно. А потом – холодно и темно. Я проснулся, увидел её. Кто ты, девочка? – вновь спросил он Сонату.

– Ночная няня, – представилась Сона.

– Я слышал о тебе, – вдруг кивнул Вольдемар, замерев в потоке лунного света, лившегося из приоткрытой двери. – В больнице двенадцать покойников, не желающих спать по ночам. Они превращаются то ли в зомби, то ли в кровожадных монстров. Нам бы худо пришлось без Сонаты Ландер, так говорит профессор Монс.

– Трепло, – возмутилась Соната. – А ещё профессор, подумайте! Всем приказывал хранить тайну, а сам разболтал первому встречному!

– Монс пытается разгадать, – сладко зачмокал новенький, принюхиваясь к речному ветру. – Я бы рыбки съел. Я очень голоден!

– Дядя, ты видел убийцу?

Вольдемар посмотрел на Дениса, вздохнул:

– Бедный мальчик, остался один. На Матильду не стоит рассчитывать.

– Кто вас убил? – повторила Сона.

Новичок отрицательно качнул головой:

– Не сумел разглядеть. Сглупил. А ведь подобрался так близко! Как же хочется рыбы... или мяса, горячего, сладкого, с кровью!

Глаза Вольдемара блеснули и задержались на Соне.

– Дядя! – жалобно позвал Денька. – А что же мне теперь делать?

Вольдемар очнулся, сжался в комок, перестал облизываться и сопеть:

– Ксе-ни-я! – произнёс по слогам. – Так зовут нашу младшую: Ксе-ни-я! Помни, когда она родилась. Помни, что зеркала отражают, если не трогать шнур. Спаси Матильду, Денис! Она скоро погибнет, как я...

– У вас был кот? – спросила Соната, убедившись, что дядя вновь впал в забытё.

– У Матильды, – кивнул Вольдемар, сделав мелкий шажочек к Соне.

Соната в ответ сложила губы и по-особому напрягла связки.

– погоди! – закричал Денис. – Дядя, сюда спешат королевские дознаватели! Они заберут твоё тело, и больше я тебя не увижу!

Монстр остановился, задумался. С трудом отвернулся от девочки.

– Мне нельзя в Канцелярию, нет, нельзя. Они вынут мозг из моей головы, подключат к Главному Эприкоту и вытянут всю информацию! Усыпите меня и утопите, чтоб и с собаками не нашли!

– Но дознаватели раскроют убийство, – попыталась утешить Сона.

Новичок зарычал и кинулся к двери.

– Здесь есть лодка! Дядя, ты слышишь? Помоги нам её донести, и мы вывезем тебя в безопасное место!

Монстр остановился, задумался.

– Мы? – удивилась Сона. – На это я точно не соглашалась. Он не помнит убийцу, врёт на допросе. Почему я должна помогать? Это же преступный сговор!

– Потому что мне некого больше просить, – очень твёрдо ответил Денис. – Ты необычная девочка, Сона, у тебя магический дар. А если человеку даётся сила, он должен помочь попавшим в беду.

«Где ты начитался этих глупых сказок? – хотела спросить Соната. – Я кто тебе, рыцарь в сияющих латах, защитник обездоленных и угнетённых?»

Но смолчала, потому что никто до Дениса не называл её необычной девочкой. А ещё потому, что хорошего парня ждал интернат на краю леса, и Сона станет приходить по ночам, чтобы петь ему колыбельную. А потом она вспомнила одну штуку...

– Вниз по реке есть кладбище. Его закрыли лет сто назад, поэтому нет посетителей. Наверняка там отыщется склеп, где мы сможем укрыть Вольдемара. Если, конечно, он в состоянии выволочь из сарая лодку.

Новичок не заставил себя упрашивать, запросто поднял тяжёлую лодку и потащил к реке. Одежда на нём трещала по швам от раздувшихся мышц, шерсть лоснилась, и голова Вольдемара всё больше напоминала зверину.

– Глупо как, – прошептала Сона. Но отступить было поздно.

Они с Денькой принесли вёсла, вставили их в уключины. Затащили в лодку каталку, чтобы сбросить в реку на глубине. Тщательно замели следы камышовыми ветками.

Вольдемар охотно взялся грести, но едва больница скрылась из виду, бросил весла и свесился за борт, сунув руку по локоть в воду. Лодка дала опасный крен, Сона взвизгнула, и Денис поспешно качнулся к другому борту.

Новичок с довольной ухмылкой достал из воды рыбёшку, насаженную на длинные когти, и проглотил целиком. Снова поймал уклейку, и ещё одну, и ещё. Видимо, к лунной дорожке приплыла поиграть целая стайка, плескалась, ловя мошку. И сама стала кормом для монстра.

Отличный пикничок на реке!

Сона достала бутерброд с колбасой. Она всегда оставляла запас, чтобы съесть по дороге к дому. После морга обычно хотелось проветриться и посидеть на рассветном солнышке. Глоток чая из термоса и бутерброд были хорошим началом дня. А раз она заговорщица, можно и поделиться с сообщником!

Денька с аппетитом сжевал половину.

– Скоро рассвет! – предупредила Соната. – Если монстр уснёт на воде, мы не сумеем его дотащить. Утопим вместе с коляской.

Вольдемар бросил рыбу и налёг на весла, только скрип стоял по реке.

Вскоре показалось кладбище, спускавшееся к самой воде. Покосившиеся кресты, купол заброшенной церковки. Развалившиеся мавзолеи среди зарослей крапивы и сныти. Муля вырвался из рук Дениса и устроился на кресте, горделиво озирая окрестности.

– Не вздумай тут кукарекать! – перепугалась Сона.

– Хорошо, – оценил Вольдемар убежище. – Тихо, вольготно. Правильно. Я буду спать здесь! – указал на дыру, скрытую лопухами. – Есть решетка, можно закрыть. Рядом река и рыба. Спасибо!

– Главные трудности впереди, – сломала Сона благодушный настрой. – И только сунься в посёлок, мигом тебя сдам дознавателям! А ты, – ткнула пальцем в Дениса, – забирай с собой петуха! Иначе разбудишь всё кладбище, и никто тебя не спасёт.

– Солнце встаёт, – загрустил Денька. – Дядя Вольдемар, тебе пора. Я хотел сказать, но не смог, всё казалось: глупые нежности... Я люблю тебя, дядя. Ты так мне нужен!

Вольдемар улыбнулся племяннику и полез обустриваться в новом логове.

5. Королевские дознаватели

Соната не стала возвращаться в больницу.

Если подумать, какой в этом смысл?

Беспорядок уберут без неё, когда персонал проснётся. Постояльцев вернут в номера, полы вымоют, дверь приколотят. Всё равно её выгонят за переполох! И лучше узнать об этом попозже.

В жизни нет справедливости. Всё хорошее отобрали вместе с волшебным голосом.

Сона брела пешком по тропинке, благо от кладбища до посёлка недалеко идти. Как добирался до дома Денька, ей было всё равно. Пусть шагает куда подальше со своим петухом! Ей о себе заботиться нужно.

Обычно магии голоса хватало на семь часов. Целых семь часов здорового сна, без кошмаров и слёз в подушку! Значит, в главной больнице проснутся часам к десяти утра. Если дознаватели приедут раньше, им придётся терпеливо ждать. Нет в природе такого средства, чтоб разбудить усыпленных Соной.

Разве что чёрный петух?

Что ж это за птица такая, что устояла перед голосом Соны? Почему от крика чёрного кочета просыпаются все подряд? Денька сказал: поисковый петух. Интересно, что ищет кочет, крошки и червяков?

Сона зевнула, потёрла глаза. Длинная выдалась ночь.

Она скрипнула калиткой, пробралась в дом, осторожно, чтобы не разбудить маму. Мама очень не любит садиться за руль после бессонной ночи, а ей ехать в светомобиле на другой конец Альхенгофа. В отличие от семьи Ландер, мама не выступала на сцене. Зато лихо продавала дома и ходила в любимицах у начальства. Только бы мама успела уехать до прихода ищеек из Канцелярии!

Сона тихонько разделась, скинула в стирку халат из сумки. Вымылась с апельсиновым мылом, обернула волосы полотенцем.

Жаль, что себе не прикажешь: спи! Сона достала таблетки из шкафчика, запила холодным компотом. Одно хорошо: с сорванным голосом можно есть мороженное и пить газировку. Прямо из холодильника! Нет уж, хватит сегодня про холодильник...

Сквозь сон она слышала, как встала мама, как что-то скворчало на кухне, и запахи плыли по всему дому, жареных яиц и кофе. Потом мама хлопнула дверью, загудел мотор светомобиля... И Соната уплыла из реальности, слушая майское утро, как величайшую симфонию мира.

Разбудил её настойчивый звон. Неужели пора вставать в школу?

Сона с трудом открыла глаза. И тотчас же их закрыла.

В её спальне сидел незнакомый мужчина! С котелком на голове, в чёрном сюртуке, из-под которого зеленела потрясающего цвета жилетка!

И этот незнакомец держал в руке палку, издававшую мерзкий звон.

– Соната Ландер! – позвал визитёр. – Сколько ты выпила таблеток, Соната?

– Не помню, – просипела Сона. После сна её голос совсем не звучал.

– А зачем ты их выпила, девочка?

– Я хочу спать, – простонала Соната. – Уходите, откуда вы здесь взялись? Мне было страшно, я плакала...

– Поэтому ты убежала? Из больничного морга, помнишь? Даже оставила велосипед.

Сон неохотно сдавал позиции. Соната посмотрела на будильник на столике: ей дали отдохнуть всего два часа. Не дознаватели, а палачи! Мастера изодрённой пытки!

– Кто вы такой? – спросила девочка, подтягивая одеяло к груди. Села в кровати, нахилилась, словно больная галка.

– Меня зовут Егор Антонович, – представился визитёр. – Оденься, девочка, я отвернусь. Разговор предстоит непростой.

Это Сона и сама поняла. Но послушно встала, оделась, тем более что палка в руке дознавателя прогнала даже тень сонливости. Стало понятно, что сыщики, приехав на рассвете в больницу, скоренько привели всех в чувство. И были в курсе ночных событий.

– Если разговор будет долгий, я хочу умыться и кофе попить, – заявила дознавателю Сона. Но спохватилась и сбавила тон, ведь жертве полагалось давить на жалость: – Я так испугалась в больнице, что совсем ничего не ела.

Егор Антонович согласно кивнул:

– Мой напарник, госпожа Ландер, прекрасно готовит яичницу. Найдётся у вас десяток яиц? Мы ведь и сами не завтракали.

В холодильнике помимо яиц отыскалась куча вкусных продуктов: помидоры, сыр и бекон, масло в хрустальной маслénке и молоко в бидоне. Вскоре девочка и дознаватели дружно работали вилками и прихлёбывали крепкий кофе, который сварил Сона.

– Спасибо, милая барышня! – откинулся на стуле подобревший сыщик. – Если не возражаете, побеседуем на веранде. Тут у вас хорошо в посёлке: птички поют, травка, цветочки. А в столице – кругом асфальт, паромваи, светомобили. Вы когда-нибудь были в столице, Соната?

Совсем за простушку её считает?

Спокойнее, Сона, не кипятись. Простушка – это хорошая ария. Главное – взять верную ноту. Споём, господин дознаватель!

– Я когда-то жила в столице, – с сомнением протянула Сона, убирая со стола посуду, – но мало что помню об этих днях. Однажды заглянула под сцену: какие-то декорации, старые сундуки с костюмами. Пыль, паутина и темнота. Я так испугалась! Упала в обморок! Потом полгода болела, врачи, сеансы гипноза...

Они вышли на веранду и расселись в креслах.

В саду было росно и солнечно, всё сверкало бриллиантовой пылью.

– Как красиво! – восхитился Егор Антонович, указывая на тюльпаны. И добавил без перехода: – Вы ведь пели в столичном хоре, Соната. Говорили, у вас волшебный голос, сам король приходил оценить талант!

Сона изобразила смирение, сделала вид, что прячет слёзы. Дознаватель кивнул с сочувствием. Всё успел про неё разузнать!

– Егор, ты не глушишь, нет? – хмуро спросил второй дознаватель. Его представили, как Модеста. Просто Модеста, без отчества.

– Блокировка отключена. Как дела?

– Средний фон, – скривился Модест, копясь в какой-то машинке, похожей на осциллограф. – Колебания незначительны.

Сона видела осциллограф в школе, на почётном месте в кабинете физики. Но школьный прибор измерял электричество, показывал амплитуды. А что пытался измерить Модест? Какие ещё колебания?

– Расскажите, что случилось в больнице, – мягко попросил Егор Антонович. – Что вас так напугало, Сона?

Соната подумала, напряглась. Как писали в городском чате, дознавателю говори только правду! Но зачем же всю, господа хорошие? Не лишайте людей работы!

– У меня есть магический дар, – отчаянно заявила Сона.

И Модест согласно кивнул, подкручивая что-то в машинке.

– Это настоящая магия! Когда я говорю кому-то «спи!», он засыпает. На семь часов!

Соната всё сделала правильно: сложила губы, напрягла связки. Ей хотелось для наглядности их усыпить. И самой вернуться в кровать!

Только ничего не случилось: дознаватели остались сидеть на веранде, слушали птичек, грелись на солнышке. Модест зажужжал машинкой, распечатывая график на бумажной ленте, и отрицательно качнул головой:

– Так себе, Егор, ниже среднего. Дар использован в фазе «куколки», сработал на точечных импульсах.

– У меня очень полезный талант! – изобразила обиду Сона, хотя уже поняла, в чём дело: слишком часто она напрягала горло за эту беспокойную ночь. А господа дознаватели были обвешаны амулетами, словно ёлки на Рождество: таких вполсилы не уложить! – Я работаю в интернате, иногда дежурю в больнице. Сегодня усыпила одного старичка...

Егор Антонович покивал, но было видно, что дознаватель разочарован Соной. Он заскучал и стал торопить:

– Усыпили архивариуса, а дальше?

«Не поправил, – отметила Сона. – Значит, в больнице меня не выдали. Потому что у профессора Монса и самого рыльце в пушку. Столько дней утаивал постояльцев, всё вакцину искал от вируса!»

– Дальше закричал петух! И такое началось, такое! Все пациенты проснулись, сторож примчался, белый от страха. Я поспешила вниз, а там драка. И мне почудились монстры! И вообще жутко было: свечи, гробы. Я выбежала в сад...

– К реке? – равнодушно уточнил дознаватель.

«Не так-то он прост! Осторожнее, Сона!»

– Не помню. Ведь я испугалась! Но река была где-то рядом, я слышала плеск воды. Выбравшись на дорогу... Я хотела домой, в свою комнату, забраться под одеяло...

– Ночью, одна на дороге. Почему вы не взяли велосипед?

– Я забыла о нём, представляете? Мне было очень страшно! В парке я видела какие-то тени, и что-то ужасно скрипело...

– Кресло-каталка? – спросил дознаватель.

– Я не знаю, что! – закричала Сона. – Скрипело, трещало, ухало. Петух ещё кукарекал. Это кошмар, понимаете? У меня уже были срывы!

Ну же, господин дознаватель! Перед вами нервная девочка, слабачка, как обзываются в классе. Кто угодно вам скажет: Соната Ландер гантель с трудом поднимает! Разве может она утащить покойника?

Егор Антонович, по всему, думал примерно о том же. Он ещё раз осмотрел Сону, сверился с распечаткой Модеста. И сделал правильный вывод:

– Ваша магия слаба, Сона Ландер. Неопасна для королевства. Не огорчайтесь, вам повезло. Что до страшных событий в больнице... Уверяю: не нужно бояться. Всех, кто вас так напугал, мы забираем с собой.

Модест отключил прибор, убрал его в саквояж.

Егор Антонович показал палочку, которую испытал на Соне: та мигала зелёным светом вверх, а снизу отливала металлом.

– Это настоящая магия! Помноженная на науку. Вы с перепугу натворили дел, усыпили сторожа и сестёр. Но включаем антимаг – и готово! Персонал больницы снова в строю. Можно снять любое воздействие, даже обычных сонных таблеток.

Он встал, opravил сюртук:

– Кстати, милая барышня! А себя вы не можете усыпить этим вашим волшебным «спи!»? Вам бы пригодилось, честное слово.

Модест громко засмеялся и пошёл к калитке, за которой фыркал светомобиль, отмеченный знаком короны и двумя перекрещенными секирами.

Егор Антонович открыл портмоне и вручил Соне визитку:

– Здесь мой номер телеграфона, позвоните, если что-нибудь вспомните. Или скиньте сообщение в чат.

Соната покорно кивнула.

Отчего-то было обидно, что в ней не признали магика. Она жалкая и никчёмная, с вороньим гнездом на голове! Вон как смотрит столичный франт, будто Сона – пустое место. Но с другой стороны, до чего хорошо: дар, неопасный для королевства. Никаких обвинений в укрывательстве трупа. И никто не расскажет маме, что Сона работала в морге!

– Спасибо, Егор Антонович, – искренне расплакалась девочка.

Дознаватель приподнял котелок, торопясь к гудящему светомобилю.

6. «Акколада»

На визитке дознавателя значилось: Егор Антонович Громобой.

Интересная фамилия, звучная. Оркестровая, как сказал бы дед.

Если б не эта визитка и не грязная посуда на кухне, Сона решила бы, что дознаватели ей приснились в кошмарном сне. Вместе с упырём-Вольдемаром.

Увы, реальность оказалась жестока. В ней остались вещественные доказательства.

Сона вымыла тарелки и сковородку, подмела на кухне и на веранде, в общем, постаралась убрать следы, чтоб не нервировать маму.

Тщательно расчесала волосы, переделалась в форму и поспешила в лицей.

Четыре урока, неприятный день. Биология, математика, поэтическая практика и физкультура! И, как будто физры было мало, дополнительно – занятие хора! Кто поёт после стометровки? Зачем так уродовать связки?

По компетентному мнению Соны, школьный хор был страшнее ночного морга. А дружелюбные одноклассники – хуже оскаленных зомби!

В лицее при «Скрипичном ключе» учились необычные дети. Их родители были певцами, актёрами, композиторами, режиссёрами. И считалось, что потомки известных людей в нужной среде раскроются сами. Лицей был теплицей, где зрели гении!

Соне сравнение нравилось. Уж она-то знала, сколько навоза высыпано на эти грядки! И как больно жалят сорняки и колючки, если утратишь дар.

Соната не любила лицей. Примиряло лишь то, что занятия начинались после обеда. Ну ещё бы, будущим гениям не по статусу вставать спозаранку! К тому же элитная школа с красивым названием «Акколада» был единственным вариантом учёбы кроме мрачного интерната.

Акколада – такая фигурная скобка, объединяющая нотные станы, поэтому учащихся звали «нотками»! Жуткое дело – быть ноткой в отвратительно фальшивой мелодии. После потери голоса Соната с высот популярности рухнула в оркестровую яму и уже не сумела выбраться. Прочие нотки не дали ей шанса вернуться на нотный стан. Потерянный звук в мажорной симфонии...

– Сона, подожди! Да не гони, не съем!

Соната притормозила, оглянулась через плечо. Кто там такой зубастый?

Её догонял Кирилл Беллоут.

Впрочем, звучную фамилию Беллоут давно переделали в Баламута. Прозвище так прижилось, что даже учителя привыкли и вызывали: Баламут, к доске!

Одноклассник пыхтел и отдувался. Велосипед ему маловат: он давно перерос машину. Киря был длинным, как жердь, угловатым, нескладным парнем, похожим на сломанный циркуль. И когда он работал педалями, колени почти задевали уши.

Соната не выдержала, расхохоталась:

– Ты уверен, что хочешь стать режиссёром? Клоунада – твоё призвание!

В отличие от компании гениев, дразнивших Кирю по каждому поводу, Сона сказала искренне. Цирк – искусство не хуже прочих, это невероятный труд, приносящий улыбки и радость. Вот и она рассмеялась, впервые за долгое утро.

Кирилл не обиделся – не умел. Если Соната в ответ на подколки сама покрывалась колючками и старалась ранить в ответ, Киря весело улыбался и давил противника дружелюбием. В этом была суперсила парня: в позитивном отношении к миру.

– Я думаю над этим, – кивнул Баламут. – Цирк – тема хорошая. Но есть другой вариант: комедии. Я буду звездой немого кино и покорю синематограф!

О синема Кирия мечтал страстно и вдохновенно. Он даже писал сценарии и выкладывал ролики в чат, а стримы с его участием, записанные на телекτροφон, неизменно били рекорды просмотров. Всем в Альхенгофе хотелось узнать, что ещё натворил Баламут.

– Это слава! – бахвалился Кирия. – Хорошая или плохая, это слава, други мои!

Он не то чтобы нравился Соне, скорее наоборот. Но среди «сорняков» лица Кирия был настоящим. Никого не унижал, ни перед кем не заискивал. Просто жил в каком-то обособленном мире, где снимал нелепые ролики и был от них в полном восторге. Бесталанный парень без комплексов. Хотя нет, один талант всё же был: Кирия мастерски умел влипнуть в неприятности.

– Мне поручено снять выступление хора. Что у вас готовится к празднику?

Соната невольно скривилась.

К выпускному концерту ставили оперу по мотивам местных легенд. «Чаровница Лелея» в переработке под детские голоса. Королевские магики осадили замок, в котором спрятались колдуны, а девушка Лелея влюбилась в юношу, адепта магии зла, и уговорила прекрасного Эльра открыть ворота для слуг короля. Короче, розовые сопли рекой, текущей со сцены в зал. Мрак!

– Ого, какие страсти у вас, – обрадовался Кирилл. – Обязательно приду на репетицию, надо же прикинуть, откуда снимать!

Соната лишь отмахнулась.

Ей досталась молчаливая партия дерева, хранителя записок влюблённых. «Дупло!» – упражнялись хористы в оригинальности и остроумии, но Сона рада была стать деревом: сучковатым, в паутине, с воронами в кроне. Самая роль для неё.

С тех пор, как утратила магию голоса, Соната знала, где её место: последний ряд с краю, массовка. Можно даже не петь, просто рот открывать. И никаких сольных партий!

– Ерунда! – Кирия двигал велосипед, отталкиваясь от земли ногами. – Я напишу для тебя сценарий, будет крутая штука. Соната, ты станешь звездой!

– Баламут! – нахмурилась Сона.

– Нее, – заторопился Кирилл, – это будет реальный шедевр. Чем прикольно немое кино? Там не нужно петь, подруга детства, а мимика у тебя крутая. Взяла и убила глазами, прострелила мне мозг, сердце и печень!

Сона хмыкнула и не ответила. Заняться ей больше нечем!

И чего этот Кирия к ней привязался? Думает по доброте душевной, что оказывает Соне поддержку? Мол, она изгой и страшилище с психологической травмой, а он – её рыцарь на белом коне? Нет, на ржавом велосипеде, надо же так запустить аппарат!

Спокойнее, Сона, не злись. Кирия – единственный одноклассник, готовый с тобой разговаривать. Он хороший человек, смешной.

«Я не выпалась, вот и кусаюсь. А ещё этот лицей!»

Элитный лицей «Акколада» размещался в настоящем дворце. Он находился в старинной усадьбе, к которой примкнул «Скрипичный ключ». Граф Машальский, прежний владелец, был известным покровителем оперы, меломаном и собирателем древностей. Он умер полвека назад, а свой дом завещал Академии Высоких Королевских Искусств, дабы растили в уютных стенах новые таланты и дарования. Возможно, у Академии и были другие виды на поместье с садами и клумбами, с трёхэтажным дворцом и пристройками, но увы, завещание графа не позволяло вольностей. Либо лицей, либо вся усадьба отходит троюродному племяннику. А отдавать десятины земли и дом, битком набитый картинами, книгами и разными древностями, мэтры Академии не собирались. Лицей так лицей, пожалуйста, только место освободим, исключительно деткам под классы!

Поубавилось в усадьбе картин и книг, исчезли старинные вазы. А с ними заодно бесценные статуи, напольные зеркала, золочёные краны в умывальных комнатах и даже латунные

ручки комодов! Причём в книге учёта неизменно ставилось: разбили-сломали детишки. Ну это же дети, что с них возьмёшь!

Чьи дома теперь украшали полотна, чьи библиотеки пополнили старинные раритеты? Вот бы куда дознавателей, а?

Сона хмуро разглядывала ворота с затейливой надписью «Акколада». Створки были чугунные. Их украшали шесть медальонов, оплетённых коваными розами, и в каждом – свой вид искусства: театр, живопись, музыка, танец, поэзия и история изображались в виде богинь, держащих в руках атрибуты.

Кирия в очередной раз поклялся, что прилепит седьмой медальон, с проектором и телек-трофоном, потому что в век пара и светомагии грех поклоняться старым богам!

– Опаздываем, молодые люди! – пожурил от ворот привратник, сморщенный старичок в хламиде бурого цвета. – Негоже разминивать научный пыл и стремление к великим искусствам на амурную болтовню!

Сона вспыхнула, Кирия глупо хихикнул. Но спорить с Арнольдом Семёнычем было по крайней мере бессмысленно: старичок лет десять, как стал глуховат.

Они молча провели велосипеды в ворота, сели в седла и поехали по гравийной дорожке, ведущей к главному корпусу. До звонка было десять минут, старый хрыч наверняка уснул на посту, вот и приснилось ему опоздание!

– И искусств-то сегодня нет в расписании, – пробурчал смущённый Кирилл. – Науки одни бесполезные да физическое воспитание.

– Лучше молчи, – попросила Соната.

Мимо них на гнедом коне, точно принц из волшебной сказки, проскакал Владислав Аскаров, главная звезда лица. Лихо спрыгнул у лестницы во дворец, кинул повод подбежавшему конюху, поправил лямки рюкзака за спиной и гордо прошествовал внутрь, едва оглянувшись на одноклассников.

– Вот кого старый хрен упрекнуть не посмел, – пробурчал Баламут, расчихавшись от пыли, поднятой жеребцом. – Ну ничего, красавчик, недолго тебе восседать на троне. Я читал: переходный возраст, ломка голоса и прыщи!

– Фу, – укорила Сона. – Во что же тогда превратишься ты?

– Стану ынеотразим, – не ведал сомнений Кирилл. – Я, как гадкий утёнок, Соната: превращение в лебедя неизбежно! Похорошею до дрожи и открою в себе кучу талантов. Так что лови момент, пока Кирилл Беллоут свободен!

Ты вообще о чём, Баламут? Снова живёшь в параллельной реальности?

Но до чего же хорош Владислав! И голос его, такой чистый и звонкий, что у Соны увлажнились глаза. Разумеется, в постановке именно он пел партию Эльра, и мрачный костюм колдуна ему удивительно шёл. Когда он протягивал ей записку, ну, в смысле, не ей, а дереву, и не для неё, для Лелеи... Короче, в груди у Сонаты что-то вспыхивало и плавилось. Лишь поэтому она согласилась на роль безмолвного дерева!

Впрочем, на Сону Владислав не смотрел, а если и замечал, то на лице прекрасного принца неизменно появлялся налёт сочувствия. Так смотрят на неизлечимо больного, радуясь, что сами здоровы, и их проблемы обошли стороной.

Сона и Кирилл побросали велики прямо на ступенях лица, зная, что работники их уберут на хранение в машинный ангар. Ангар оборудовали в старой конюшне. Там обычно стояли светомобили учителей и директора, крепились на крюках велосипеда. Нашлось стойло и гнедому жеребцу Аскарова: он один выпендривался с верховой ездой...

– Хватит мечтать о принце! – дёрнул за косу Кирия.

Соната ударила его сумкой, чтоб глупости не болтал. И поспешила в класс биологии.

7. Будни лица

Хорошо, что она заучила параграф до крика петуха и нападения зомби! В стрессовой ситуации всё прочитанное врезалось в память, и Сона с большим удовольствием отвечала на вопрос учителя.

Славно читалось в морге о соперничестве разных трав, о борьбе за почву и солнце, о доминировании на поляне. Сона зубрила материал о жизни травяных и лесных сообществ и представляла дорогих одноклассников! А ещё те лицейские клумбы, на которых вместо роз и гортензий разрастались теперь сорняки, посаженные по высокой протекции. Ведь раньше в лицее учились дети со всех краёв необъятной империи, их отбирали по конкурсу и назначали стипендию. А теперь здесь сочатся ядом детки известных родителей...

– Дерево рассказывает о деревьях! – услышала Сона голос Саньки Сергеева.

– Уж кому и знать, как не этой страшилке! – откликнулся Мишка Руже, его верный друг и подпевала. – Ведьмы – они такие, знают толк в ядовитых травах.

– Интересно, где она ночь провела? – продолжал развлекаться Санька. – Видишь, какие синяки под глазами! Наверняка бродила по кладбищу в обнимку с каким-нибудь вурдалаком!

Сона не сдержалась, хихикнула. Санька очень точно описал её ночь. Именно по кладбищу, с вурдалаком, в компании Деньки и петуха. Интересно, как они там? Выдержали визит дознавателей?

– Только вурдалак и польстится, – не знал удержу Мишка Руже.

Терпение Сонаты закончилось. Она мысленно представила нотную запись и включила в неё Мишкину ноту. Напрягла особым образом связки и завершила доклад о сообществах несколько нелогичным пассажем:

– А возраст любого дерева можно узнать по спииии-лу!

В первый слог легла магия голоса, осторожная, в половину силы, и в ту же минуту Мишка зевнул с риском вывернуть челюсть.

Биологичка Наталья Штофф, с изумлением взглянувшая на Сонату, гневно повернулась к Мишке:

– Майкл Руже! Вы, кажется, заскучали? Пожалуйста тогда к доске. Спасибо, мисс Ландер, отличный доклад. Высший балл в годовой аттестат.

Мишка злобно взглянул на Сонату и, зевая, побрёл к доске. Там он зачем-то взял в руки мел, осоловело захлопал ресницами и навалился на стол педагога. Наталья Штофф испуганно взвизгнула и закричала:

– Доктора!

Класс так и встал со стульев.

– Обморок? – предположил Влад Аскарков.

– С похмела? – возрадовался Баламут.

Сона, успевшая вернуться за парту, снова ткнула Кирилла локтем.

– А что я-то? – громким шёпотом озлился Киря. – Это ж они с Санькой Сергеевым вчера одеколону на спор глотнули!

Наталья Штофф побелела.

А Мишка, словно подтверждая гипотезу, оглушительно захрапел.

Урок биологии удался.

На математике Сона думала, пыталась сложить два и два.

Странные всё-таки вещи творились в родном Альхенгофе. Что-то скребло по сердцу и мешало вывести уравнение.

Два месяца в морге главной больницы по ночам буянили зомби. Профессор искал причину, но не находил логической связи. За это время умерли многие, от старости и от болезней. Но буянили только двенадцать. И ещё тринадцатый – Вольдемар. Вольдемара прокляли, тут всё понятно. А если проклятье коснулось всех зомби, просто его не заметили? Ведь те умерли на больничных койках, а не в очереди за талоном!

Нужно расспросить Вольдемара, стодится любая подсказка. И двенадцать больше не усыплять, а заставить хоть что-то вспомнить. Ведь была причина, поднимавшая их, едва наступала полночь! Не одна жажда крови, что-то ещё, важнее тупого голода.

Не давал покоя старик архивариус. Нужно пробраться в больницу и снова с ним поработать. А то украдёт табурет у врача и шагнёт из окна на поиски!

Сона достала из сумки листок с портретом кота Помпадура: у того была крайне ехидная морда и роскошные усищи в две головы. Кот с характером, с другими не спутаешь. Где же его искать?

Кирия ткнул её локтем в бок, возвращая должок с биологии. На неё смотрел сам герр Смирноф, учитель точных наук. Соната поспешно перевернула листок и стала на нём решать задачу.

«В городе Альхенгофе пропало сорок процентов котов. Сколько всего котов в Анхельгофе, если пропало сто?»

Пропала сотня котов? С ума сойти! Погоди-ка, при чём здесь коты?

Соната вчиталась в условие: никаких животных в помине нет! Ягоды и грибы собраны в общей корзине, вычислить, сколько процентов ягод подавили в компот, смешав с грибами. Кто придумывает эти задачи? Он когда-нибудь собирал грибы?

Герр Смирноф прошёл по рядам, собирая листки с решением. Высокий, прямой, в военном мундире, правда, без чинов и регалий, учитель ценил дисциплину и точность. Он боготворил математику, называл её основой сущего, утверждал, что любое искусство основано на магии цифр. Когда герр переходил на патетику, класс заметно скучнел. Во время его возвышенных лекций можно уснуть безо всякой магии.

Герр Смирноф взял у Соны листок, перевернул его, оценил. Уставился, не мигая на Сону, предъявил портрет Помпадура:

– Откуда у вас?

– По дороге нашла! – наспех придумала Сона. Отчего-то сказать правду Смирнофу оказалось выше всей её храбрости. А ведь собиралась приклеить листовку на доске объявлений у входа!

– Заведите уже тетрадь, – брезгливо сморщился герр Смирноф. – В клетку, с расчерченными полями. И отдельные листы для заданий. В следующий раз не приму бумажку, подобранную на помойке!

Он ушёл обратно к доске, и Сона украдкой вздохнула. С дознавателями не было так погано! Громобой – просто душка на фоне Смирнофа!

– Чем ему котик не угодил? – спросил озадаченный Кирия.

Сона лишь пожала плечами.

Тем временем герр Смирноф обозначил новую тему: окружность. Он стал объяснять, и чертить на доске, и сверкать глазами из-под кустистых бровей в маниакальном порыве. А Сона вздрогнула от озарения. Окружность! Вот где нужно искать!

Она срочно поедет в больницу и узнает адреса двенадцати зомби. Наверняка между ними есть связь. А что, если их дома попадают на границу круга? И тогда в середине окружности будет точка распространения вируса. Все они посещали какое-то место, равноудалённое от домов...

– О чём я говорю, мисс Ландер?

Сона поспешно встала:

– Окружность – множество точек плоскости, находящихся на одном расстоянии...
– Садитесь, Соната Ландер. И перестаньте смотреть в окно.

За окном щебетал тёплый май, но Сона покорно уставилась в книгу.

– А Мишка Руже до сих пор не проснулся! – возбуждённо заявил Баламут, стоя в очереди за обедом. – Мирно дрыхнет под одеялком в кабинете врача. Говорят, будили по всякому: нашатырь совали под нос, будильники заводили. Спит себе со счастливой рожей! Может, летаргический сон?

Сона хихикнула про себя: придумали тоже, нашатырь, будильники. Фантазии у людей не хватает! Чёрный петух и зелёная палка в руках королевского дознавателя, вот что спасает от внезапного сна.

– Всё из-за тебя, вурдалачья невеста, – отпихнул Сонату сердитый Санька, – ты докладом его доконала. А Майклу запись в итоговом табеле!

Он схватил с раздачи пюре и курицу, хапнул последний вишнёвый компот. Если Санька уснёт мордой в пюре, все решат, что в школе началась эпидемия, и отменят «Чаровницу Лелею». Впрочем, в присутствии дознавателей, знающих о таланте Соны, так рисковать не стоит.

– Ты сегодня целый день меня игнорируешь, – потянул за рукав Баламут.

– Киря, отстань, – попросила Соната, выбирая котлету с гречкой. – Что тебе, больше общаться не с кем?

Баламут развеселился и подмигнул:

– Это тебе больше не с кем общаться! У меня одного иммунитет к твоим ядовитым колючкам. Ладно, отстану, не куксись. У нас разное расписание дальше, и меня ждёт лепка из глины. Так что встретимся на репетиции, погляжу, как скрипишь ветвями!

Занятия по поэтической практике было сорвано трудовиком. Берк ворвался в кабинет словесности и потряс перед лицом Платона Калюгина, отвечавшего за весь средний поток, каким-то ошмётком глины.

– Вы! – рычал трудовик. – Да ваш... да вы все!

– Что с вами, Пётр Иванович? – удивлённо спросил учитель словесности.

– Этот ваш Баламут! Посмотрите, что он слепил!

Сона всмотрелась и покраснела. Девочки в классе заохали и прикрылись тетрадками, немногочисленные ребята захохотали в голос.

– Он утверждает, что это птичка! В этом, мать его в душу, в гнезде! – продолжал рычать трудовик, пунцовый от возмущения. – Да за такое его... исключить! Я же с этим... к господину директору!

То, что держал в руках Пётр Иванович, совсем не походило на птичку. Скорее, на пособие по анатомии. Такие детали у статуй прикрывают фиговыми листьями.

Платон Валерьевич сдавленно кхекнул, даже отвернулся к окну, тщетно стирая с лица улыбку. Потом решительно встал и отнял поделку у трудовика.

– Вы видите ситуацию лишь с одной стороны, – укорил он взбешённого Берка. – Примените к ни в чём не повинному парню свою оценку реальности.

Как же Сонате нравилось, когда Платон так говорил!

– А у реальности, мой дорогой, плоскость не одна и даже не две. И если перевернуть эту штучку – вот так, смотрите сюда! – получается симпатичная птичка. И заметьте особо: в гнезде. Слеплено кривовато, так ведь Кирилл и не метит в скульпторы. Можем, конечно, сходить к директору, Феоктист Андреевич любит поделки.

Как он это всё провернул, осталось загадкой века. Только что был ужас и срамота, раз – и действительно птичка в гнезде, к искренней радости класса. Парни улюлюкали и аплодировали. Не Платону, понятно, и не бурому Петеньке, как дразнили трудовика. А гениальному Баламуту, сумевшему сотворить такое.

Пётр Иванович лишь рот раскрывал, будто рыба в когтях Вольдемара. Наконец, он схватил несчастную птичку и сжал в кулаке непросохшую глину.

– Не судите по себе, драгоценный! – крикнул ему вслед Платон под жизнерадостный гогот класса.

Когда отсмеялись, учитель сказал:

– Извините, милые леди и поэтические джентльмены. После таких коллизий читать возвышенные стихи как-то даже неловко. Поиграем сегодня в игру. Придумайте мне двадцать рифм на слово... Ну, скажем, шутка!

Урок по физической культуре тела обошёлся без происшествий. Учитель выдал им мяч и велел разделить на две команды. Капитаны набирали себе игроков, и Соната осталась на лавочке вместе с пухленькой Ирэн Самойловой. Ту никогда не звали играть, а за отсутствием Кири, которого всё же потащили к директору, и Сону миновала чаша сия. Так что весь урок она просидела, выводя в тетради смешные рифмы. Слово «шутка» к уроку физры подходило на сто процентов.

А вот потом шутки кончились. И Сона была готова вновь усыплять восставших зомби, вывозить на кладбище вурдалака, общаться с королевскими дознавателями, только бы не репетировать постановку «Чаровница Лелея»!

8. Баламут во всей красе

Граф Машальский был театралом и содержал приличную труппу. На его спектакли в столице съезжался весь высший свет империи. В Альхенгофе же публики было меньше, и концерты давались в семейном кругу, по-душевному, как писали в газетах.

Сцена и зрительный зал размещались в особой пристройке, с тщательно продуманной отделкой стен, создававшей уникальную акустику. Иногда Соне казалось, что звук обволакивает её со всех сторон, заключает в кокон из нот и охраняет от неприятностей.

Она всегда приходила пораньше, с разгону садилась за клавиш и наигрывала разные арии, даже мычала под нос слова, не позволяя голосу улететь в запредельные дали.

Вот и сейчас, пользуясь тем, что хористы её потока отмываются после игры в волейбол, Сона с вороватой улыбкой опустила руки на клавиши. Пропела ариозо Лелеи, самый любимый момент, когда воинственная чаровница, ещё не влюблённая в колдуна, поёт о подвигах во имя страны.

– Прочь смятение, ужас прочь! Я одолею вас навсегда! И спасу королевство от гнева богов! – как заклинание повторяла Соната, стараясь не выпустить голос на волю.

Она пела украдкой, вполсилы, оглядываясь по сторонам. Внезапно в зале сгустились сумерки, за кулисами кто-то зашевелился, магический свет мигнул и погас.

Соната испуганно подскочила, выставив руки вперёд. Она знала: против того, кто пришёл, бесполезно применять усыпление. Он схватит её, разорвёт на части и снова исчезнет во мгле. Ей даже почудился чёрный туман, идущий из зеркала на стене, и Сона зашептала последние строки, будто молитву господе:

– Прочь страх, прочь ужас... Дедушка, помоги!

– Вот же драконья отрыжка! – кто-то громко ругнулся в кулисе. – Это, оказывается, выключатели. А где выключатели, хотел бы я знать? И почему воняет горелым?

Кто-то свалился со сцены, запутавшись в бархате занавеса, замахал руками, как крыльями, пытаясь освободиться. Свет телеэлектрофона пробился сквозь кокон, озаряя фигуру монстра, потом кто-то икнул. И чихнул. И высунул кудлатую голову:

– Привет, Соната! Прикольно поёшь. А у меня тут что-то замкнуло. Не знаешь, где запасной генератор?

– Баламут! – возмутилась Сона. – На кой ляд тебя принесло?

Кирия расправился с сорванным занавесом и закинул его за плечо, словно плащ. Скептически осмотрел Сонату:

– Напугал? Так я не нарочно. Хотел камеры наладить, чтоб снимать задний план. Заслушался и ткнул не туда. А зачем ты прячешься, Сона? Ты же сделаешь всех канареек в лицейской оранжерее!

– Заткнись! – приказала Соната. – Если кто-то узнает, Кирия...

Кулаки сжались сами собой, но договорить она не успела. Послышался топот и смех, и звонкий голос Катрины спросил:

– Если кто-то узнает – что?

Кирилл посмотрел на Сону, непонимающе вздёрнул плечи. И склонился перед Катриной Фроловой, картинно взмахнув плащом:

– Что я опять накосячил, принцесса. Проводку сжёг, занавеску порвал! У меня сегодня в копилке два предупреждения от педагогов.

– Жесть, – сказал Владислав, оценивая разрушения. – А репетировать как?

– При свечах, – обрадовался Кирилл. – Это готично и жутко, в самый раз для пепельных колдунов. Я вот, кстати, плащик надыбал, примерите, ваше кошмарие?

– Шут! – отмахнулся Аскарков. – Натуральный гороховый шут.

И взялся распутывать Кирю, издававшего стоны и завывания.

Задержавшийся на педсовете Калюгин лишь глубоко вздохнул:

– Чем тебе занавес не угодил? Ладно, обойдёмся без правой кулисы. Соната, сходите за свечками, в подсобке наверняка есть запас. И захватите иголку с ниткой: пока хор распоётся, мы с вами зашьём.

Подсобка находилась в центральном корпусе, и Сола ускорила шаг. Она знала, что в этот момент её проклинаят все девочки хора: делать что-то вместе с Платоном было пределом девичьих мечтаний.

В помещении было темно и пыльно, и снова пахнуло старым театром: в прежние времена здесь хранились краски, отрезки материи и доски для декораций. А ещё почему-то запахло воском. Сонате сделалось жутко, она полезла за телекстрофоном – подсветить фонариком стеллажи, но в дальнем углу вдруг мигнул огонёк, послышались чьи-то шаги. Девочка укрылась за стеллажом, борясь с подступающим криком. Морг, милый морг, где же ты? Такое уютное место! Никаких страшилок по тёмным углам, простые, понятные зомби, охотно засыпавшие по приказу!

В подсобке вдруг стало светлее: на противоположной стене проявился оранжевый прямоугольник. Ситцевая драпировка, которой были обиты доски, приподнялась, открывая проход, и оттуда, с красной свечой в кулаке, выбрался герр Смирноф. Следом за ним шёл сторож Арнольд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.